

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ЧАСТНЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

© 2016 Е.Ю. Семенова

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г.Самара,
Самарский государственный технический университет

Статья поступила в редакцию 23.03.2016

В статье отражено влияние Первой мировой войны на городские помещения. Проанализированы изменения, которые повлекла война в функциональном использовании зданий в городе, стоимости жилья, благоустройстве городских помещений. Проблема исследована на материалах Поволжья. *Ключевые слова:* город, городское пространство, помещения, городские здания, жильё, повседневность, горожане, Первая мировая война, Поволжье, российская провинция.

К началу Первой мировой войны российская провинция была представлена разными по размеру территории, количественному, конфессиональному и социальному составу населения городами¹. Состав населения, площадь территории города, наличие материальной базы, основой которой являлась в том числе инфраструктурная развязка и деловая активность населения, статус города (губернский, уездный, заштатный) влияли на формирование городского пространства, в том числе использование земли под городскую застройку. Губернские центры выделялись не только большим количеством строений, но и разнообразием зданий с точки зрения функциональной составляющей.

В качестве примера городского пространства губернского города можно привести описание Саратова. На начало 1916 г. общее количество владений в городе Саратов и его пригородах составляло 14496, а общее число квартир жилых – 39869 и торгово-промышленных – около 3000. На основной территории города проживало 96,6% жителей, причём в трёх центральных полицейских участках размещался 41% жителей, а по пригородам (Агафоновский и Михайловский поселки, Солдатская и Монастырская слободки, опытная земская станция) – всего 3,4%. В среднем на одну квартиру приходилось 5,8 жителя². В путеводителе по городу отмечалось, что «Саратов имеет 5 газет, телефонную сеть, электрич. освещение, трамвай, великолепные мостовые, много учёных, просветительных и культурных обществ, университет, консерваторию, В.Ж. (Высшие Женские) (примеч. моё. – Е.С.) курсы..., 20 средних и массу низших учебных заведений..., прекрасный парк «Липки», 2 музея, 3 театра, множество кинематографов и проч.»³. Также в городе находились

культовые сооружения – храмы православные (24), домовые православные (16), единоверческие (3), римско-католические (1), лютеранские (1), синагоги (2), мечети (2); работал речной яхт-клуб, Саратовская городская публичная библиотека, городская народная библиотека-читальня, бесплатная епархиальная библиотека⁴.

Гораздо «скромнее» были возможности уездных и заштатных городов и посадов. В качестве примера благоустроенного посада приведём Мелекесс, располагавшийся в Самарской губернии. В начале 1915 г. на его территории находились 3 двухэтажных и 10 одноэтажных каменных корпусов, более 100 деревянных лавок, 12 каменных и 15 деревянных зданий. В посаде работали мужская и женская гимназии, городское (высшее начальное) училище, ремесленное училище, мужское и женское 2-классные училища, три мужских и два женских приходских училища, 2-классное мужское и 1-классное женское приходские училища. Посад имел капитал в 340 руб. Несмотря на статус посада в протоколе заседания посадской думы от апреля 1915 г. Мелекесс назывался городом (хотя, согласно городскому положению от 1877 г., за Мелекессом был закреплён статус посада). Осенью 1915 г. в посаде планировалось открыть мужскую семинарию. У домов и через улицы имелись тротуары, были прорыты водосточные каналы, устроен общественный сад, на берегу реки находился бульвар, действовало керосиновое освещение, а базарная площадь и прилегающие к ней улицы освещались газово-калильными фонарями. Проведение электрического освещения до войны было согласовано, но его введению помешало «только исключительное положение... времени». Снабжение водой города осуществлялось благодаря Торговому дому Марковых, который построил на свои средства и передал Мелекессу три абиссинских колодца⁵.

Примером небольшого уездного города является Углич (Ярославская губерния). К началу 1916 г. ему принадлежало 1426 десятин 18 саже-

Семенова Екатерина Юрьевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Поволжского филиала ИРИ РАН, профессор Самарского государственного технического университета.
E-mail: dashka129k@yandex.ru

ней земли, в том числе 542 десятины 1539 сажень внутри городской черты. На балансе города находилось 11 каменных строений. Располагая бюджетом в 94193 руб. 24,5 коп., город мог выделить 276 руб. 99 коп. на устройство и проведение народных чтений и 100 руб. пособия на содержание городской публичной библиотеки⁶.

Выясним, какое влияние оказала война на городские сооружения, а именно на использование, благоустройство, ценовую политику в отношении общественных и частных зданий, жилья.

Один из привычных вопросов, который приходилось решать городскому самоуправлению – размещение служащих – в годы войны вызвал определённые проблемы, одновременно экономического и фондового плана. Цены на жильё в городе стали расти, что во многом было связано с наплывом в провинцию новых жителей, временных и постоянных, из числа беженцев, мобилизованных, военных в составе гарнизонов, раненых военнослужащих, военнопленных, эвакуированных. Так, в Симбирске на 1 января 1914 г. проживал 69701 человек, на 1 января 1915 г. – 73884, на 1 января 1916 г. – 101645, в Сызрани, соответственно, 48311, 56097 и 74802. В городе Бугульма (Самарская губерния) за 1915 г. население увеличилось почти в два раза, с 8623 до 16548 человек⁷. Резко возростала численность населения в городе в период мобилизаций. Так, на непродолжительный период времени, в июльский призыв 1914 г., в Бугульме собрались до 11 тыс. запасных при численности бугульминцев менее 9 тыс., в Саратове – до 31,5 тыс. при населении в 242,4 тыс., в Аткарске (Самарская губерния) – до 35 тыс. призывников на 13,8 тыс. горожан, в Сердобске (Самарская губерния) – 2028 при 23,8 тыс. населения⁸. Многие из мобилизованных и призывников прибывали на пункт призыва в сопровождении родственников, которым было необходимо где-то проживать до отправки сына, брата, мужа далее.

Рост цен на жильё зачастую не позволял занимать привычные для мирного времени квартиры, вынуждал горожан, не имевших собственного жилья, селиться далеко от центра, а городскому ведомству – снимать для служащих гостиницы. В Костроме в августе 1917 г. пресса констатировала полное отсутствие средних по цене обывательских квартир и сдачу жилья по ценам в три-четыре раза дороже прежнего⁹. В Самаре к концу весны 1915 г. маленькая комната на краю города подорожала в сравнении с довоенным периодом вдвое и стоила 6-7 руб. в месяц, а спустя год, весной 1916 г., уже 8-10 руб.¹⁰ Служащие, привыкшие проживать с семьёй в квартире с 5-6 комнатами, столкнулись с проблемой месячной стоимости такого жилья в 250-300 руб. Подобные цены характеризовались как «непомерно высокие». Так, в связи с дороговизной квартир 1 июня 1917 г. председатель хозяйственно-строительной

комиссии по постройке самарского порохового завода был вынужден обратиться с ходатайством в Самарскую городскую думу о подыскании квартир за умеренную плату с размером, соответствующим должностям. Служащие же в это время размещались по гостиницам¹¹.

Исследователи показали, что многие провинциальные города, в том числе поволжские, в годы войны стали центрами сосредоточения гарнизонов, вмещали на своей территории значительные воинские формирования¹². Их присутствие вынуждало городские власти по-новому распорядиться фондом помещений, пригодных для расположения воинского контингента.

Саратовские исследователи В.П. Тотфалушин и Е.К. Максимов справедливо отметили, что очень быстро все крупные, пригодные для расквартирования помещения оказались заняты и заполонивших город призывников пришлось размещать в зданиях школ, училищ и гимназий, в том числе и духовного ведомства, что вызвало со стороны местных властей ходатайство о праве реквизиции трактиров, синематографов и других подобных заведений, а также об отпуске из военного фонда необходимых средств на постройку барачков¹³.

На заседании Саратовской городской думы 28 января 1915 г. гласный П.Г. Бестужев отмечал: «... здание, принадлежащее Багаевскому приюту и до сегодняшнего времени сдававшееся в аренду под помещения 1-й министерской женской гимназии, теперь занято войсками. В нём помещаются 700 человек, склад оружия и производится учение»¹⁴. В Николаевске (Самарская губерния) на заседании городской думы 30 ноября 1915 г. было решено занять военным постоем Художественный театр, кинематограф, нижний этаж дома Романовой и дом Горкиной. При этом городское управление надеялось, что военное ведомство взамен освободит от постоя женскую гимназию и другие учебные заведения, превращённые в казармы и обустроенные нарами¹⁵. 7 августа 1915 г. на заседании Бузулукской городской думы (Самарская губерния) обсуждался вопрос о формировании в ближайшее время ещё одного запасного батальона, который военное начальство предлагало расквартировать казарменным порядком в общественных и частных домах. Гласные отметили, что «все общественные здания и большая часть частных домов уже заняты квартирующими в Бузулуке войсками, лазаретами и другими помещениями военного ведомства, так что у города более нет свободных зданий, в которых можно было бы расквартировать формируемый батальон»¹⁶.

В связи с наплывом военных местным властям приходилось использовать помимо принадлежащих городу помещений также и частный сектор, что требовало дополнительных затрат, поскольку было необходимо рассчитываться с владельцами за аренду помещения (для принадлежавших городу зданий требовалась уборка

ассенизаторов, дрова для отопления, материалы и рабочие руки для строительства нар). Суммы, за которые снималось жильё и помещения, отличались, однако общие траты были значительными. Например, в Самаре, согласно Ведомости о найме помещений для войск в 1914 г., для размещения военных снимали 12 квартир по цене от 285 руб. до 5300 руб. за квартиру и 11 помещений для ратников ополчения по цене от 25 руб. до 428 руб. за помещение¹⁷.

Если в 1914-1916 гг. решения о предоставлении помещений для размещения военнослужащих и их обустройстве принимались без «удовольствия» для местных властей, но и без конфликтов, то в 1917 г. здания в буквальном смысле «отбивались» командирами воинских формирований у города. В качестве примера подобной ситуации приведём данные о городе Аткарск. В конце января 1917 г. городскую управу «третировал» командир 3-й запасной конной сотни, размещавшейся в здании городского начального училища. Вначале он заявлял, что отправленных трёх печей «для отопления здания... недостаточно, а потому ещё необходимо четыре», указывал, что, если «не будет отправлено необходимое число печей, прощу сегодня же отвести помещения», и угрожал, что «в противном случае... сотня займёт помещения по своему усмотрению»¹⁸. Кроме этого, данный командир «просил» привезти сухих дров для отопления железных печей в здании городского училища, так как привезённые дрова оказались сырыми, одновременно заявлял, что в противном случае «доски, привезённые для переделки нар, будут употреблены в отопление»¹⁹.

Во второй половине февраля 1917 г. командир 159-го пехотного запасного полка «просил» Аткарскую городскую управу «отвести под размещение нижних чинов вверенного... полка чайную Лариной в доме Семеновой на Базарной площади», при этом диктуя: «...указанное помещение прощу теперь же оборудовать, т.е. очистить, побелить и устроить в нём нары»²⁰. В начале марта он же потребовал «спешного распоряжения об отводе помещений для размещения прибывающих новобранцев в числе 3000 человек»²¹. Командир 8-й роты данного полка 21 февраля заявил управе ходатайство «о немедленной очистке отхожих мест в занимаемых... ротой домах: Попова, Красилова, Сарыгина, Шелкова, Салтыкова и Русакова»²².

Учитывая ситуацию, в которой оказались офицеры, ответственные за размещение и питание подчинённых, следует отметить, что в неординарное положение попали и городские власти, городская территория, которая не всегда могла предоставить, в том числе в «кратчайший срок», необходимый ресурс, что вызывало конфликтную ситуацию не только в восприятии горожанами военнослужащих, но и в использовании городских помещений, отношения к ним, к городскому имуществу в целом.

Кроме размещения военнослужащих, которые находились в составе гарнизона, призывников, проходивших по мобилизации, в городах было необходимо принять раненых и больных воинов, состоявших на лечении, а также в период их пребывания в команде выздоравливающих. Для этих целей также использовались весьма неординарные подходы. Так, в Петровске (Саратовская губерния) лазарет действовал при Петровском винном складе²³. В Казани лазарет на 75 коек был открыт прямо в помещении Казанского университета, который продолжал работать²⁴. В Самаре в 1917 г. 1-я самарская команда выздоравливающих размещалась в доме Рябова (Шихобаловская, 151), 94-й госпиталь – в доме Шварца, 96-й госпиталь – в помещении 2-й женской гимназии²⁵. В Саратове в июле 1917 г. бывший приют для малолетних преступников («помещение на Гуселке»), ранее предназначенный под колонию для малолетних детей-беженцев, «ввиду острой нужды» был предоставлен Городскому союзу под лазарет для больных и раненых воинов²⁶.

В отличие от размещения разных групп военнослужащих, которые были приоритетной категорией нового городского населения, размещение беженцев не имело такого статуса, хотя требовало немалых усилий. При этом в ряде городов, несмотря на наличие значительного фонда помещений, который можно было приспособить для расселения, в том числе беженцев, он был недостаточен, что вызывало необходимость прибегать к использованию зданий, мало приспособленных или вовсе не подходящих для жилья, при скученности при заселении до такой степени, что на одного человека приходилось по 1,8 кв. м общей площади²⁷. Так, на особом совещании по вопросу об оказании помощи прибывающим в Астраханскую губернию беженцам, состоявшемся 4 августа 1915 г., было указано, что в Астрахани, учитывая имеющиеся в наличии жилые фонды, можно принять порядка 600 беженцев²⁸. Однако на конец 1915 г., по учтённым о размещении данным, в городе их было расселено минимум на треть больше. По данным уполномоченного по устройству беженцев в Астраханской губернии на 12 декабря 1915 г., в Астрахани в ведении городского комитета находились 299 беженцев, размещавшихся в доме трудолюбия на Адмиралтейской улице. Около 150 беженцев были поселены отдельными семьями в частных жилых домах Уланова, Воронина, Михальченко на Севастопольской улице. 130 беженцев разместили в домах Котова и Скрепинского на Криушинской улице в помещении хлебопекарни, в котором в два яруса выстроили нары, а часть беженцев поместили на печах. 113 беженцев размещались в зданиях пивоваренного завода Вейнера (скученно во втором этаже флигеля). 100 беженцев были переведены в связи с тифом из трёх комнат другого флигеля помещений данного завода в

гостиницу «Кишенёв», где ими были заняты три комнаты, в которых установили нары. После обнаружения тифа среди беженцев в гостинице «Кишенёв» беженцев перевели в гостиницу «Киев», где были также устроены изоляционные помещения. Под них выделили на 2-м и 3-м этажах 15 номеров, где установили нары в два яруса. 74 беженца размещались в доме Чачина, превращённом в изоляционное помещение, были переселены туда из общежития, организованного в еврейском училище на Петропавловской улице, в связи с сыпным тифом²⁹.

В городе Красный Яр (Астраханская губерния) на конец февраля 1916 г. 835 беженцев размещались в 23 общественных и 12 частных домах. Уполномоченный по устройству беженцев в Астраханской губернии отмечал, что размещение в общественных домах «чрезвычайно тесное». В доме Болдырева было устроено отделение для выздоравливающих³⁰.

В городе Чёрный Яр (Астраханская губерния) на конец октября 1915 г. в два здания (доме Черноярского общественного собрания и в доме Зодеева) были заселены 96 беженцев, а к началу апреля 1916 г. в них продолжали жить казарменным типом 49 беженцев³¹.

Для расселения беженцев использовались общественные учреждения, в том числе не приспособленные для постоянного проживания. Так, в Саратове на заседании городской думы 19 августа 1915 г. гласный С.П. Красников отмечал, что из-за отсутствия свободных помещений «в настоящее время 1500 беженцев размещены в двух училищах – в 6-м и в 4-м... беженцы спят сплошь в помещении, где нет ни столов, ни стульев, спят на дворах, где потоки воды от стирки белья»³². На заседании Бузулукской городской думы 27 августа 1915 г. отмечалось, что временно «беженцы поселены в железнодорожных школах, близко прилегающих к станции Бузулук и вокзальному посёлку». Это объяснялось тем, что в связи с «наблюдающейся среди беженцев эпидемии холеры необходимо помещение, находящееся более или менее на далёком расстоянии от жилых построек станции и посёлка, чтобы этим обезопасить население последних от заразных заболеваний», а в пределах города таких помещений нет³³. В Красном Яре в конце 1915 г. 255 семей беженцев (1020 человек) были поселены казарменно в 25 квартирах, отдельными семьями – в 40 квартирах, а часть разместили в помещении казацкой школы³⁴.

В размещении беженцев прослеживался национальный контекст, расселение осуществлялось часто при поддержке местных национальных обществ, комитетов, имеющих свободный жилой фонд. Так, в Астрахани в декабре 1915 г. при содействии Астраханского еврейского общества помощи жертвам войны 50 евреев-беженцев были поселены в общежитии на Персидской улице в доме 44 в семи комнатах на 2-м этаже, тесно.

Также евреи-беженцы размещались в общежитии при больнице в доме Акишнази на Петропавловской улице (по 7-12 человек в комнате, престарелые мужчины и женщины вместе), в доме Альберта на Католической улице (52 человека на нарах в четырёх комнатах без столов и скамеек), в доме Розенблюма на Севастопольской улице (12 семей на нарах), в доме Сергеева на Большой Демидовской улице (в девяти комнатах 8 семей в составе 122 человек)³⁵. Беженцы-поляки при содействии Польского комитета размещались в общежитии на Казанской улице (66 человек в трёх комнатах с нарами в два яруса), в доме Штанова на Демидовской улице (205 человек в четырёх комнатах, из которых были пригодны для проживания только две, с нарами в два яруса), в доме Сыромятникова на 2-й Бакалдинской улице (в четырёх комнатах две семьи, две гимназистки и конторщик), в доме Зеленкова по 5-й Бакалдинской улице (в одной комнате две женщины и пятеро детей)³⁶.

При возможности отдельные помещения предоставлялись для детей-беженцев. Например, в Астрахани в доме Бек-Хубелка был организован приют для 25 детей-беженцев, прибывших из приюта, выведенного из Гродненской губернии. Они располагались в трёх комнатах, у каждого была своя кровать с чистой постелью³⁷.

Размещение беженцев в городе требовало не только выведения из обычного функционала части помещений, но и существенных материальных затрат. Так, в посаде Дубовка на апрель 1916 г. проживало 4348 беженцев. Наём помещений для заселения этих людей обходился Саратовскому городскому комитету помощи беженцам в месяц в 5218,69 руб. В ближайшее время было необходимо увеличить эту сумму на 3261 руб., что означало почти 8,5 тыс. ежемесячных расходов только на содержание жилья для беженцев данного посада. Кроме того, в целях предотвращения эпидемии Комитет был вынужден нанять в посаде два изоляционных дома, каждый на 50 человек с платой по 100 руб., включая отопление³⁸.

Менее многочисленной, но также нуждающейся в крыше над головой категорией «новых горожан» являлись военнопленные. В городах Казанской губернии их сначала собирались размещать по казармам. В середине января 1915 г. подготовленные для расселения военнопленных места были заполнены, и было решено размещать военнопленных среди населения «с довольствием от обывателей за кормовой оклад», для чего наметили 17892 обывательские квартиры по губернии, в том числе на 11400 человек в городах. Однако вышестоящие инстанции такое размещение запретили, размещение было казарменным. На 1 июля 1915 г. в Казани было 2619 пленных, в Арске – 408, Лаишеве – 538, Мамадыше – 155, Свияжске – 45, Спасске – 74, Чебоксарах – 443, Чистополе – 2781, на Паратском заводе – 1311, всего

– 8374⁵⁹. В Бугульме в конце января 1915 г. 946 военнопленных разместили по квартирам горожан и в номера гостиницы Рыжакова. На квартирах у местного населения проживали военнопленные в Симбирске, Сызрани, Саратове, Царицыне и других городах⁴⁰. Уральский исследователь Н.В. Суржикова верно подметила, что совместное проживание пленных с обывателями допускалось военными властями с целью экономии средств, чтобы не тратиться на постройку домов⁴¹. В Самаре под размещение военнопленных к августу 1915 г. было отведено даже летнее помещение губернатора в Струковском саду. Однако расходы на электроэнергию начислялись не на ведомство уездного воинского начальника, под контролем которого находились военнопленные, а на городскую управу, что вызывало у самоуправления недовольство⁴².

Недостаток жилых помещений для людей стал острой и постоянной проблемой городской среды военного периода, особенно проявившейся начиная с лета 1915 г. В документах местных органов власти упоминания об этой проблеме стали системными. Так, на заседании Бузулукской городской думы 7 августа 1915 г. отмечалось, что «все общественные здания и большая часть частных домов уже заняты квартирующими в Бузулуке войсками, лазаретами и другими помещениями военного ведомства, так что у города более нет свободных зданий»⁴³. 18 сентября 1915 г. на заседании думы констатировалось, что город «поставлен в невозможное положение. Скопившееся количество войск совершенно невозможно расквартировать в городе»⁴⁴. В другом городе, Саратове, ровно в этот же день, 18 сентября 1915 г., на заседании Саратовской городской думы городской голова подчеркнул: «Войска прибывают... В казармах до 3000 коек и все заняты. Квартир нет»⁴⁵. А в декабре 1916 г. ситуация, наблюдаемая в беженском городке, созданном для размещения находившихся в Саратове беженцев, характеризовалась следующим образом: городок «может вместить 900 человек, проживает же уже около 2000 человек. Присылаемые... беженцы ночуют на улицах»⁴⁶. В Самаре в ответе на запрос о возможном размещении служащих города Самарская городская дума в июне 1917 г. сообщила: «...острота квартирного вопроса в городе, благодаря большого наплыва беженцев, отзывается вообще на всех обывателей и само Городское управление имеет большой недостаток помещений для расквартирования воинских частей Гарнизона и не может подыскать квартиры для своих расширяющихся отделов Управления»⁴⁷.

Кроме недостатка жилья горожане сталкивались также с невозможностью посещения определённых учреждений, которые ранее являлись местом потребления привычных форм досуга и содействовали развитию человека. Причиной тому было их изъятие из определённой функ-

циональной направленности и использование в других целях – для размещения «новых горожан». Так, системой стал срыв нормального процесса обучения в городах, где размещались воинские контингенты, а иногда и беженцы. В частности, в Саратове не могли начать работу осенью 1915 г. 6-е и 4-е училища, поскольку в помещениях, где они находились, проживали беженцы⁴⁸. Об отсутствии работы другого образовательного заведения в начавшемся учебном году гласный Саратовской городской думы В.И. Соколов 9 сентября 1915 г. сообщал: «Под войска занимают частные школы и в частности в гимназию Добровольского помещено 500 человек. Это лишает возможности школу функционировать»⁴⁹. 18 сентября 1915 г. на заседании Саратовской городской думы гласный Н.Н. Петров отметил: «Все учебные заведения в настоящее время отведены под постой войск», а городской голова продолжил: «Войска прибывают и последнее время, чтобы удовлетворить нужду в помещениях, пришлось закрыть все школы»⁵⁰. В Красном Яре в конце 1915 г. не работала казацкая школа, в помещении которой разместили часть беженцев⁵¹. Типичной являлась ситуация, описанная в журнале заседания Бузулукской городской управы от 25 августа 1915 г. На заседании было отмечено, что «ввиду отвода всех школьных зданий военному ведомству под расквартирование войск, под лазареты и проч. прошлый учебный год, несмотря на все принятые со стороны городского самоуправления меры, учебные занятия в школах не представлялось возможным открыть... у учащихся пропал целый учебный год». Парадоксом следует признать не сам факт отсутствия работы школ, а принятое в результате обсуждения сложившейся ситуации решение – подыскать по предложению Училищной комиссии 17 комнат под учебные занятия и вести их в две смены в этих комнатах⁵². Т.е. в здания, где ранее вёлся учебный процесс, помещали военных, а учащиеся занимались в жилых помещениях.

Кроме образовательных учреждений из привычной сферы были выведены некоторые культурно-досуговые учреждения и заведения. В городе Вольск (Саратовская губерния) в сентябре 1915 г. по постановлению губернатора началась реквизиция трактиров, синематографов и т.п. в связи с недостатком жилья для размещения войск⁵³. В Николаевске 10 октября было отдано под постой помещение театра⁵⁴. В Аткарске только в начале 1917 г. освободилось от постоя войск здание кинематографа владельца Капустина⁵⁵.

Использование городских зданий, общественных и частных, для размещения «новых горожан» часто сопровождалось их порчей, приведением не просто в ненадлежащий вид, а прямым ущербом с точки зрения благоустройства города.

В плачевное состояние помещения приводили и беженцы, и военные. В частности, о послед-

ствиях пребывания в городских домах беженцев гласный Саратовской городской думы С.П. Красников 19 августа 1915 г. отметил: «Квартиры, в которых размещают беженцев, сразу приводятся в невозможное состояние»⁵⁶. Городской санитарный врач, проводивший 22 января 1917 г. санитарный осмотр дома Биреева по Милоновской улице в Саратове, выявил, что «кухонная печь дымит, выгребные ямы переполнены, двор и помещение содержатся в высшей степени грязно»⁵⁷.

По Красному Яру в конце 1915 г. и в начале 1916 г. уполномоченным по устройству беженцев в Астраханской губернии отмечалась противоречивая ситуация в соблюдении чистоты в домах, где размещались беженцы. Указывалось, что есть «комнаты красивые, чистые, уютные, где чувствуется хозяйственный достаток». С другой стороны, сообщалось, что теснота при размещении беженцев приводит к тому, что в помещениях «трудно удерживать надлежащую чистоту»⁵⁸.

По итогам проверки в Астрахани в декабре 1915 г. дома трудолюбия, где размещались беженцы, отмечалось, что данные помещения светлые, чистые и тёплые, полы моются ежедневно, но удерживать чистоту трудно из-за грязного двора, а также из-за того, что одна из комнат использовалась для стирки и сушки белья. При проверке дома Косова, где беженцы размещались в помещении хлебопекарни, констатировалось, что в связи с отсутствием столов и скамеек беженцы «вынуждены всё время проводить на своих местах», «удерживать чистоту не удаётся из-за грязи во дворе», стирки белья во дворе и в коридоре⁵⁹.

Последствия пребывания в помещении военных в ряде случаев представляли настоящий погром. Так, директор Аткарского реального училища в августе 1917 г. в сообщении комиссару города Аткарск описал плачевную «картину»: «Здание... училища с начала войны было взято под постой войск... В течение первого года солдаты пользовались клозетом внутри здания, вследствие чего выгребная яма переполнилась и в настоящее время содержимое её в нижнем этаже здания переливается через край и переполняет зловонием жилое помещение»⁶⁰.

Здание другого, 3-го аткарского училища было проверено 17 декабря 1917 г. при участии надзирателя милиции 2-й городской части, членов городской управы, представителя Забайкальского казачьего полка (подхорунжего казачьего дивизиона). В помещении обнаружили серьёзный разгром: разбитые стёкла, проломленные двери, разбитые парты. Ещё в 12 осмотренных домах обнаружилось разное состояние помещений после постоя войск: в одних всё было в порядке, в других вместо нар остались обломки досок⁶¹.

В городах Поволжья были отмечены случаи причинения вреда военными городским общественным зданиям – гостиницам, чайным, магазинам⁶².

Во многих городах Поволжья война повлияла на традиционное функционирование городских помещений, изменила ценовую политику в использовании жилья, отразилась на благоустройстве зданий, расположенных в городской черте.

Для расселения значительного количества нового населения город был вынужден использовать все возможные ресурсы – помещения приютов, доходных домов, гостиниц, отдельные частные квартиры, помещения культурно-досуговых и образовательных учреждений. Одновременно городом изыскивались ресурсы свободных помещений для осуществления образовательного процесса. Таким образом, нарушалась функциональная направленность зданий, жилые объекты превращались в общественные учреждения, а помещения, используемые ранее для общественных нужд, становились жилыми объектами.

В условиях войны в тыловых городах Поволжья, на территории которых разместили беженцев, военных и иных временных новых горожан, «дефицитом» стало как жильё, так и общественные помещения. Цены на жильё значительно выросли. «Дефицит» жилья и рост цен на него в условиях войны не являлись особенностью только городов Поволжья. Однако причины данной ситуации для исследуемого региона были связаны именно с фактором присутствия, прежде всего беженцев и военных. Например, в Архангельске подобная тенденция была вызвана «наплывом» рабочих в порт при небольшом фонде доходных домов⁶³.

В отношении благоустройства городских помещений война нанесла неоспоримый ущерб городам, в которых отмечалась скученность населения из-за наплыва «новых горожан». Помещениям и расположенному в них имуществу в ряде случаев причинялся вред, зачастую процоцировалось распространение грязи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее: Семенова Е.Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 - начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара: АНО «Издательство СНИЦ РАН», 2012. С.50-85.

² Кокшайский И.Н. Предварительные данные переписи населения г.Саратова и его пригородов, проведенной в 1916 году. Саратов: Тип. губернского земства, 1916 г. С.8-10.

³ Путеводитель по г. Саратову с 2 планами в красках и сведения о губернии / Сост. А.Я. Майзульс. Саратов: Типография Т-ва «Сотрудник Школы», 1917. С.4.

⁴ Весь Саратов. Справочник-календарь на 1916 г. Саратов: Издание группы студентов, 1916. С.74-76, 89-109, 130-138, 172.

⁵ ГБУСО «ЦГАСО». Ф.3. Оп.221. Д.3. Л.15 об.-17.

⁶ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф.73. Оп.1. Т.3. Д.7523. Л.27, 29об.

⁷ Семенова Е.Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья... Приложение №7, №9.

⁸ Семенова Е.Ю. Влияние мобилизаций периода Первой мировой войны на настроения городского населения

- Поволжья // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2011. №2. С.132-133.
- ⁹ Поволжский вестник. 1917. 19 августа. С.2.
- ¹⁰ ГБУСО «ЦГАСО». Ф.153. Оп.9. Д.886. Л.15; Д.906. Л.14-14об.
- ¹¹ ГБУСО «ЦГАСО». Ф.153. Оп.9. Д.925. Л.37.
- ¹² *Латишин Ф.А.* Армия и революционный процесс в провинции в 1917 - начале 1918 гг. (на материалах Верхнего Поволжья). Дисс. ... канд. ист. наук. Кострома, 2001. С.32; *Максимов Е.К., Тотфалушин В.П.* Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны: учеб. пособ. к курсу «История Саратовского Поволжья». Саратов: Научная книга, 2007. С.13-17; *Шепелев С.* Костромской гарнизон в дни Октября. Кострома: Костромское кн. изд-во, 1957. С.6, и др.
- ¹⁵ *Максимов Е.К., Тотфалушин В.П.* Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны... С.18.
- ¹⁴ ОГУ ГАСО. Ф.3. Оп.1. Д.4624. Л.15.
- ¹⁵ ГБУСО «ЦГАСО». Ф.3. Оп.221. Д.2. Л.96.
- ¹⁶ ГБУСО «ЦГАСО». Ф.3. Оп.221. Д.4. Л.55-55об.
- ¹⁷ ГБУСО «ЦГАСО». Ф.153. Оп.9. Д.882. Л.40.
- ¹⁸ ОГУ ГАСО. Ф.922. Оп.1. Д.1. Л.16.
- ¹⁹ ОГУ ГАСО. Ф.922. Оп.1. Д.1. Л.21.
- ²⁰ ОГУ ГАСО. Ф.922. Оп.1. Д.1. Л.37.
- ²¹ ОГУ ГАСО. Ф.922. Оп.1. Д.1. Л.54.
- ²² ОГУ ГАСО. Ф.922. Оп.1. Д.1. Л.40.
- ²³ ОГУ ГАСО. Ф.642. Оп.1. Д.21. Л.41.
- ²⁴ Великая Отечественная война. Казанская губерния. Краткий очерк за первый год. 1914-1915. Казань, 1915. С.81-91.
- ²⁵ ГБУСО «ЦГАСО». Ф.153. Оп.9. Д.925. Л.9, 68.
- ²⁶ ОГУ ГАСО. Ф.611. Оп.1. Д.1. Л.189.
- ²⁷ *Семенова Е.Ю.* Взаимодействие горожан и беженцев на территории тылового города в годы Первой мировой войны (по материалам Поволжья) // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т.16. №3(2). С.437.
- ²⁸ ОГУ ГАСО. Ф.615. Оп.1. Д.5. Л.96.
- ²⁹ ОГУ ГАСО. Ф.615. Оп.1. Д.5. Л.21, 22 об., 24, 25.
- ³⁰ ОГУ ГАСО. Ф.615. Оп.1. Д.5. Л.75-77.
- ³¹ ОГУ ГАСО. Ф.615. Оп.1. Д.5. Л.84-84 об., 114
- ³² ОГУ ГАСО. Ф.3. Оп.1. Д.4624. Л.151.
- ³³ ГБУСО «ЦГАСО». Ф.3. Оп.221. Д.4. Л.93.
- ³⁴ ОГУ ГАСО. Ф.615. Оп.1. Д.5. Л.15об.
- ³⁵ ОГУ ГАСО. Ф.615. Оп.1. Д.5. Л.26-28.
- ³⁶ ОГУ ГАСО. Ф.615. Оп.1. Д.5. Л.26-32.
- ³⁷ ОГУ ГАСО. Ф.615. Оп.1. Д.5. Л.28
- ³⁸ ОГУ ГАСО. Ф.1270. Оп.1. Д.21. Л.1, 7.
- ³⁹ Великая Отечественная война. Казанская губерния. Краткий очерк за первый год. 1914-1915. Казань, 1915. С.109, 111.
- ⁴⁰ *Семенова Е.Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья... С.578-579.
- ⁴¹ *Суржикова Н.В.* Военный плен в российской провинции (1914-1922 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2014. С.134.
- ⁴² ГБУСО «ЦГАСО». Ф.153. Оп.9. Д.902. Л.26.
- ⁴³ ГБУСО «ЦГАСО». Ф.3. Оп.221. Д.4. Л.55-55об.
- ⁴⁴ ГБУСО «ЦГАСО». Ф.3. Оп.221. Д.4. Л.138-138об.
- ⁴⁵ ОГУ ГАСО. Ф.3. Оп.1. Д.4624. Л.176-176об.
- ⁴⁶ ОГУ ГАСО. Ф.611. Оп.1. Д.1. Л.177.
- ⁴⁷ ГБУСО «ЦГАСО». Ф.153. Оп.9. Д.925. Л.38.
- ⁴⁸ ОГУ ГАСО. Ф.3. Оп.1. Д.4624. Л.151.
- ⁴⁹ ОГУ ГАСО. Ф.3. Оп.1. Д.4624. Л.164об.
- ⁵⁰ ОГУ ГАСО. Ф.3. Оп.1. Д.4624. Л.176-176об.
- ⁵¹ ОГУ ГАСО. Ф.615. Оп.1. Д.5. Л.15об.
- ⁵² ГБУСО «ЦГАСО». Ф.3. Оп.221. Д.4. Л.116.
- ⁵³ ОГУ ГАСО. Ф.3. Оп.1. Д.4624. Л.176об.
- ⁵⁴ ГБУСО «ЦГАСО». Ф.3. Оп.221. Д.2. Л.132.
- ⁵⁵ ОГУ ГАСО. Ф.922. Оп.1. Д.1. Л.56.
- ⁵⁶ ОГУ ГАСО. Ф.3. Оп.1. Д.4624. Л.151.
- ⁵⁷ ОГУ ГАСО. Ф.1270. Оп.1. Д.29. Л.66.
- ⁵⁸ ОГУ ГАСО. Ф.615. Оп.1. Д.5. Л.14об., 75
- ⁵⁹ ОГУ ГАСО. Ф.615. Оп.1. Д.5. Л.21, 24.
- ⁶⁰ ОГУ ГАСО. Ф.922. Оп.1. Д.1. Л.193.
- ⁶¹ ОГУ ГАСО. Ф.922. Оп.1. Д.1. Л.243.
- ⁶² *Семенова Е.Ю.* Городские земли в структуре городского пространства российской провинции в годы Первой мировой войны // Человек и общество в условиях войн и революций: материалы II Всероссийской научной конференции (15 декабря 2015 г., Самара, СамГТУ). Вып.2. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2015. С.41.
- ⁶³ *Трошина Т.И.* Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск: ИД САФУ, 2014. С.276.

PUBLIC AND PRIVATE PREMISES IN THE URBAN SPACE OF THE RUSSIAN PROVINCE IN THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR

© 2016 E.Yu. Semenova

Volga Branch of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Samara,
Samara State Technical University

The author reveals the influence of the World War I on urban areas and analyzes the war-times changes in the functional use of the city premises, the cost of housing, and improvement of urban spaces. The problem is investigated on the materials of Volga region.

Keywords: city, urban space, premises, town buildings, housing, everyday life, citizens, World War I, Volga region, Russian province.